

*Геннадий Кретинин
Артем Крюков
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН: К ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ КЁНИГСБЕРГСКОГО АРХИВА В РАБОТЕ НАД «ИСТОРИЕЙ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

При написании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин использовал русские летописи, посольскую переписку, дипломатические материалы. Одним из первых он обратился к зарубежным источникам. Для этого ему пришлось получить копии документов, освещающих историю отношений Московского государства и Тевтонского ордена в первой четверти XVI века. Однако более поздние исследователи XIX – XX веков, как российские, так и немецкие, а также и современные в своих трудах практически игнорируют аналитическую деятельность российского ученого. Рассматриваются особенности подобного отношения к исследованиям российского историографа. Говорится о значимости его работы для оценки событий полутысячелетней давности и современности.

***Ключевые слова:** Н. М. Карамзин, Кёнигсберг, Кёнигсбергский архив, отношения Москвы и Тевтонского ордена, историография, источники, история России.*

Тема «Н. М. Карамзин и Кёнигсберг» для специалистов и любителей истории чаще всего ассоциируется с пребыванием русского писателя в этом городе и встрече его с философом И. Кантом. Между тем существует и другая ипостась, связывающая имена человека и города, присущая им обоим: история. Николай Михайлович Карамзин имеет особое отношение к этому городу как историк, российский историограф, а Кёнигсберг — это исторический объект, привлекавший внимание к себе россиянина не только проживанием в нем известного философа, но наличием в городе архива Тевтонского ордена.

Приступая к описанию истории отношений Великого княжества Московского и Тевтонского ордена и характеризуя средневековое во-

енно-монашеское государство, Н.М. Карамзин употребил возвышенно-романтическую лексику: «Пламенный дух сего воинственного братства, освященного Верой и добродетелью, памятного великодушным и славою первых его основателей, угас в странах Севера: богатство не заменяет доблести, и Рыцари-Владетели, некогда сильные презрением жизни, в избытке ее приятностей увидели свою слабость. Покорители язычников были покорены собратиями-Христианами» [5, ст. 50].

Истоки подобного отношения следует отнести к 1789 году, когда 23-летний россиянин пересек границу Пруссии и посетил ее города и веси, еще сохранявшие колорит Средневековья. Среди заметок о пребывании в Кёнигсберге (оказавшемся единственным, больше писатель и историк в этом городе не бывал), не считая визита и беседы с И. Кантом, особенно выделяются строки о посещении им Кафедрального собора и «старинного замка», или «дворца, построенного на возвышенности». Н.М. Карамзин упоминает о посещении путешественниками цейхгауза и дворцовой библиотеки, в последней он видел фолианты и кварталы (книга в четверть листа. — Г. К., А. К.), окованные серебром [7, с. 102, 104].

При этом об орденом архиве в своих «Письмах» Н.М. Карамзин не сообщает. Можно только догадываться о том сожалении, которое он впоследствии, уже став историком, наверняка испытывал по поводу того, что ему не удалось посетить местный архив. Впрочем, такой возможности у русского путешественника в то время не было.

«Кёнигсбергский архив», как его называет Н.М. Карамзин в исследованиях [6, ст. 130], в это время находился в стадии формирования. После различных перипетий (войны, смена государственности, передислокация, дробление коллекций с последующим объединением), во второй половине XVIII века он расположился в рыцарском замке и в 1804 году получил название «Тайный архив в Кёнигсберге», далее — «Прусский государственный архив в Кёнигсберге» [15, S. 4]. Под Кёнигсбергским архивом Н.М. Карамзин прежде всего понимал архив Тевтонского ордена, большую коллекцию исторических документов, ведущей свой отсчет с XIII века.

Много позже, после посещения Карамзиным города, в 1805 году в архиве был зарегистрирован первый посетитель — Август Коцебу [15, S. 47], впоследствии российский консул в Кёнигсберге, оказавший Карамзину помощь в получении информации о документах, относящихся к российской истории.

Но не только Коцебу стал источником информации для российского историографа. В конечном счете Коцебу принял консульскую

должность в Кёнигсберге в 1816 году, когда Н. М. Карамзин уже знал о документах Кёнигсбергского архива, и не только знал, но и пользовался ими.

Встает вопрос: как узнал и как получил доступ к кёнигсбергским документам разных периодов истории, в том числе и свидетельствам отношений Великого княжества Московского и Тевтонского ордена в Пруссии (1517 – 1521 годы) российский историк?

Впрочем, Н. М. Карамзин в российской историографии оказался не первым, кто упомянул о договоре 1517 года между Василием III и Альбрехтом Бранденбургским. Формально его предшественниками стали В. Н. Татищев и М. М. Щербатов.

В. Н. Татищев совсем кратко сообщил в «Истории Российской» о пребывании в Москве посла «именем Феодорикус Шитьборк» и отправлении подписанной грамоты Василием III к «Маистру Прусскому» со своим «ближним человеком» Дмитрием Загряжским. Впрочем, подготовленный в первой половине XVIII века 5-й том сочинения В. Н. Татищева был издан только в 1848 году [13, с. 179].

Более подробно о событиях 1517 года рассказывает М. М. Щербатов, но и он, пересказывая тексты статейных списков Посольского приказа, ограничивается только начальным периодом отношений [4, с. 327 – 338].

Таким образом, перед Н. М. Карамзиным оказалось практически неизведанное поле деятельности, связанное с российско-тевтонскими отношениями в начале XVI века в целом и коллекцией орденских документов в Кенигсберге в частности.

По сути, российский историк оказался колумбом (титул «колумб» как открыватель новых источников принадлежит В. П. Козлову [8]) орденской историографии, видимо, не только для своего Отечества. Немецкий архивариус Иоханнес Фойгт смог обратиться к истории московско-орденских отношений начала XVI века только два десятилетия спустя после выхода «Истории» Карамзина. Первый том его монументального сочинения по истории Немецкого ордена был издан в 1827 году [20].

Н. М. Карамзин, приступив к работе над «Историей», развернул деятельность по сбору исторических источников и ему становится известно, что подобной же деятельностью в Кенигсберге занимаются прибалтийские дворяне.

Исследователь Г. А. Енш отмечал, что в начале XIX века прибалтийское дворянство, окончательно «прописавшееся» в императорской России, беспокоясь за свои средневековые привилегии, приступило к

поиску исторических источников, которыми регламентировались их права. Обнаружилось, что документы ливонского периода ни в одной из трех губерний не сохранились. Но Ливонский орден имел богатую историю как, собственно, «филиал» Немецкого ордена в Пруссии. Огромная переписка Ливонского магистра и гроссмейстера Тевтонского ордена сохранилась в Пруссии. Тогда прибалтийские дворяне приняли решение скопировать необходимые им документы в Кёнигсберге [2, с. 177].

В это же время в Курляндии работал учителем окружной школы доктор философии Эрнст Генниг. Генниг родился в Тарау (Восточная Пруссия, ныне Владимирово Багратионовского района), в 1805 году защитил диссертацию в Кёнигсбергском университете и вместе с Августом Коцебу оказался одним из первых посетителей орденового архива. Они предприняли попытку подготовить историю Пруссии. Впоследствии Генниг оказывал помощь Коцебу, который увлекся сбором материалов для сочинения «Описание Свидригайлово» (Великого князя Литовского. — Г. К., А. К.) и работал с документами ордена [15, S. 47, 48].

Из Кёнигсберга Генниг и переехал на преподавательскую работу в Курляндию. Нельзя исключать то обстоятельство, что именно по его инициативе прибалтийское дворянство за свой счет в 1808 году создает Археографическую экспедицию. Возглавил ее, естественно, Генниг [2, с. 177]. Более того, вернувшись в январе 1809 года в Кёнигсберг, Генниг становится одним из руководителей вновь образованного Кёнигсбергского архива, став соперником недавно назначенного на должность тайного архивного советника Карла Фабера [15, S. 42, 48]. Впрочем, это соперничество нисколько не повлияло на участие обоих архивистов в организации копирования документов орденового периода, имевших отношение к России.

О знакомстве Геннига с Карамзиным сведений мало. Скорее всего, оно было заочным. Сохранилось несколько писем из их переписки (Генниг умер в 1815 году, его архив попал к наследникам в Кёнигсберге, и судьба его осталась неизвестной. Карамзин работал в Москве, часть его архивов сгорела в пожаре 1812 года). Несомненно одно: несмотря на то что изначально копии документов изготавливались в трех экземплярах (для курляндского, лифляндского и эстляндского дворянских обществ), информация о работе комиссии поступала и к Карамзину. Более того, когда комиссия стала испытывать финансовые затруднения, возглавлявшему проект рижскому ландрату Унгерн-Штернбергу посоветовали именно через Геннига обратиться за помощью к

Карамзину. Российский историограф должен был способствовать посредничеству в этом проекте министров внутренних дел и финансов. Карамзину удалось добиться выделения 1000 рублей на покрытие расходов на пересылку копий документов из Кёнигсберга в Ригу. После того как в 1811 году курляндское дворянское общество вышло из состава участников проекта, третий экземпляр копий кёнигсбергских документов стал поступать в Петербург и им мог пользоваться Н. М. Карамзин [2, с. 178, 179].

Можно предположить, что к Карамзину до 1812 года попало не так уж много информации, касающейся отношений Василия III и Альбрехта Бранденбургского. Архив Карамзина в пожаре 1812 года пострадал, но говорить о том, что при этом пострадали и документы периода 1517 – 1522 годов вряд ли оправданно.

Дело в том, что Карамзина в 1812 году особо интересовала тема Ивана Грозного и Ливонской войны. После того как было принято решение о выделении денег на копирование и перевозку документов, Карамзин обращается к Унгерн-Штернбергу с просьбой о копировании для него кёнигсбергских документов указанного периода. Генниг приступает к этой работе и неожиданно обнаруживает другие документы, имеющие отношение к российской истории [2, с. 180].

Г. А. Енш, исследовавший переписку Унгерн-Штернберга с Геннигом, сообщает, что Генниг писал Карамзину о том, что «в Прусском секретном архиве сохранилось много подлинных писем Василия III, касающиеся до тех пор не известных его союзов с германским цесарем, маркграфом Альбрехтом и другими князьями против короля польского» [там же].

Наполеоновская агрессия в Россию в 1812 году нарушила коммуникацию Кёнигсберг – Рига – Санкт-Петербург. Однако Кёнигсбергский архив продолжал свою работу по копированию без перерыва, но документы могли поступить в Санкт-Петербург не ранее 1813 года. Следовательно, документы о московско-орденском союзе 1517 года попали к Н. М. Карамзину и уж точно не пострадали в московском пожаре.

В. П. Козлов, в свою очередь, отмечает, что в марте-июле 1814 года доктору философии Дерптского университета Ф. Шульцу удалось скопировать свыше 80 документов, среди которых оказалась переписка великого князя Василия III с маркграфом Бранденбургским Альбрехтом 1512 – 1520 годов и ряд других материалов, ранее не известных в России [8].

По-видимому, речь шла об одних и тех же документах, однако пользователей ими оказалось уже два. Дело в том, что в этот период от активных государственных дел отошел канцлер Н. П. Румянцев, возглавивший археографическое дело в России. Очень богатый человек, он на свои средства организовал поиск документов, летописей, рукописей, книг, относящихся к российской истории. Музеи, библиотеки, книгохранилища, частные собрания по всей Европе, по всем городам, монастырям, дворянским усадьбам в России стали поисковыми объектами для команды исследователей, которых Румянцеву удалось привлечь в ее состав. Естественно, не был обойден вниманием и Кёнигсберг. Упоминавшийся уже Ф. Шульц работал в Кёнигсберге как раз по заданию Н. П. Румянцева.

Карамзин писал «Историю государства Российского», одного из первых обобщающих трудов по российской истории, Румянцев стал основателем музея в Санкт-Петербурге, в дальнейшем перевезенного в Москву, сегодня известного как Российская государственная библиотека, публиковал исторические материалы в «Собрании государственных грамот и договоров».

В какой-то степени Румянцев и Карамзин составили друг другу конкуренцию по получению доступа к документам Кёнигсбергского архива. Как бы там ни было, но документы истории отношений Великого княжества Московского и Немецкого ордена в Пруссии отложились в коллекциях, хранящихся ныне в Российской государственной библиотеке, в Российском государственном архиве древних актов.

Н. М. Карамзин действительно стал первооткрывателем массива документов Кёнигсбергского архива, связанных с российско-тевтонскими отношениями в 1517–1522 годах. Но он не просто обнаружил эти документы, а использовал их в исследовательской деятельности.

И здесь встает еще один, не менее, а может и более, важный вопрос: как наследие российского ученого было использовано его немецкими и российскими коллегами, в том числе и современными?

В частности, Курт Форстройтер, немецкий историк, еще до Второй мировой войны в работе «Пруссия и Россия в Средние века» сообщал о том, что для подобного исследования имелись два источника: в Москве — посольская книга Посольского приказа и фонды орденского архива в Кёнигсберге [16, S. 78].

Естественно, что К. Форстройтер раздел об отношениях Тевтонского ордена и Великого княжества Московского построил на документальной базе орденского архива. Историографическую основу составили работы также немецких историков Е. Йоахима [17] и Х. Уэбер-

бергера [19]. При этом Форстройтер отмечает, что Йоахим русским языком не владел, для своего трехтомного исследования использовал русские источники, опубликованные в работах других авторов [16, S. 270]. Впрочем, что это были за источники — не указывает.

Посольская книга и ряд отдельных документов того времени, хранившихся в российском Посольском приказе, были изданы Г. Ф. Карповым в одной книге в 1887 году [11]. Форстройтер часто цитирует это издание, но совершенно не упоминает об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

В настоящее время история отношений Московского княжества и Тевтонского ордена также привлекает внимание немецких исследователей. Кроме упоминавшихся уже трудов Форстройтера и его коллег следует назвать диссертационное исследование Майке Зах «Гроссмейстер и Великий Князь» [18].

В отличие от своего предшественника (К. Форстройтера) у М. Зах имеется ссылка на «Историю» Карамзина, но она относится к 1489 году и ни к Альбрехту Бранденбургскому, ни к Василию III (основным действующим лицам исследуемого периода) отношения не имеет [18, S. 116]. Впрочем, М. Зах, ссылаясь на исследования Г. А. Енша [2] и В. П. Козлова [8], обозначила путь, по которому Н. М. Карамзин мог получить доступ к документам Тевтонского ордена [18, S. 26–27]. Но дальше простого пересказа материалов советских исследователей, попытки объяснить, почему исследователи попросту игнорируют результаты работы Н. М. Карамзина в части, касающейся отношений Москвы и Тевтонского ордена, М. Зах не предприняла.

Из соотечественников российского историографа критически отнесся к его сочинению С. М. Соловьев. В качестве примера стоит отметить сообщение Соловьева о том, что Шонберг дважды обращался к Василию III за рекомендательными письмами об Альбрехте Бранденбургском к французскому королю: в 1518 и в 1519 годах. Однако пишет он дальше: «... у Карамзина второе и третье посольство Шонберга смешаны в одно» (цит. по: [12, ст. 1627]). Впрочем, С. М. Соловьев здесь излишне критичен. Карамзин действительно упоминает только об одном письме 1519 года. В Примечаниях он приводит его целиком по тексту из Посольской книги [5, ст. 50; 11, с. 95]. О письме 1518 года он не упоминает вовсе. Почему? Форстройтер отмечает, что письмо к французскому королю так и пролежало в тевтонской канцелярии нераспечатанным, «перекочевав» затем в архив. Там его в 1814 году и обнаружил Коцебу [16, S. 89]. Драматург, конечно, мог поделиться этим

открытием с Карамзиным. Естественно, Карамзин мог посчитать лишним упоминать о документе, который совершенно не сыграл никакой роли в дипломатических отношениях.

Что касается советских историков, то отношения Москвы и Тевтонского ордена первой четверти XVI века стали предметом исследования В.Н. Балязина. В статье он упоминает Н.М. Карамзина, но это упоминание относится к событиям 1514 года [1, с. 67]. Более академично подошел к использованию «Истории государства Российского» А.А. Зимин. В работе «Россия на пороге нового времени» он перечислил привлеченные для написания «Истории» Карамзиным источники (летописи, Русский временник) и дипломатические материалы (посольские дела, «кёнигсбергские бумаги»), а затем использовал их для работы над монографией [3].

Весьма плодотворно и интересно работает в настоящее время над историей отношений Москвы и Тевтонского ордена в первой четверти XVI века петербуржец А.Н. Лобин [9; 10]. Интересен научно-популярный труд о Василии III А.И. Филошкина, также петербуржца [14]. Но и советские, и российские историки практически не используют в своих исследованиях «Историю» Карамзина как исторический источник.

Несмотря на то что проблема военного союза Москвы и Кёнигсберга в 1517–1522 годах кажется вполне исследованной, при ближайшем рассмотрении обнаруживаются вопросы, на которые или нет исчерпывающего ответа, или нет ответа вообще.

Например, финансовое обеспечение союза. А.Н. Лобин с привлечением документов орденского архива утверждает, что Россия фактически финансировала боевые действия Ордена против общего противника. «То есть тевтонцы хотели воевать за русские деньги» [9, с. 15]. Да, Василий III давал деньги Альбрехту. Действительно, в известных документах условия помощи не определены. Создается впечатление, что Москва дала деньги и забыла об этом.

Однако в Москве долго помнили о герцогском долге. Форстройтер утверждает со ссылкой на Эрхарда фон Кунхайма (кстати внука Лютера. Кунхаймы имели родовое поместье в Мюльхаузене, ныне пос. Гвардейское Багратионовского района) приближенного герцога Альбрехта, что некий московский посланник в 1560 году говорил о долге Кёнигсберга Москве. Об улаживании долговых обязательств шла речь и в 1573-м, и в 1600 году. Форстройтер обозначил долг в сумме 60 тыс. талеров [15, S. 106]. М. Зах утверждает, что сумма составляет 37 тыс. гульденов [18, S. 417].

В свою очередь, Н. М. Карамзин сообщает, что объем серебра, которым Москва должна была оплатить свои союзнические обязательства, составил 625 пудов [5, ст. 51]. Откуда взята эта цифра историограф не указал, как и не сообщил: сколько же серебра было отправлено в Кёнигсберг за четыре года сотрудничества? Но какие-то документы были известны ему? Возможно, эта информация извлечена Н. М. Карамзиным из тех самых «кёнигсбергских бумаг», о которых он упоминает в своем исследовании и которые ждут внимания нынешних ученых?

В XVI веке Москве было не до востребования долга, а после Смуты о нем просто забыли. В 2017 году исполняется 500 лет договорным отношениям между Москвой и Тевтонским орденом. Естественно, долг уже не востребовать. Но несомненно одно: поставка Ордену российского серебра свою роль сыграла. Да, Орден не выиграл войну. Но и не проиграл, хотя польские войска стояли у стен Кёнигсберга. Дело завершилось перемирием, а затем превращением военно-религиозного государства в светское, пусть и вассальное, но государство. Так рождалась Германия — Федеративная Республика Германия.

Список литературы

1. *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден // Вопросы истории. 1963. № 6.
2. *Енш Г. А.* Н. М. Карамзин, Н. П. Румянцев и археография Прибалтики начала XIX в. // Исторический архив. 1960. № 6. С. 177 — 182.
3. *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
4. *История Российская от древнейших времен*, сочинена князем Михайлом Щербатовым. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book428416/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 30.11.2016).
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга вторая. М., 2010. Т. 7.
6. *Карамзин Н. М.* Там же. Т. 5. Примечания к т. 5.
7. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1.
8. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
9. *Лобин А. Н.* Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517—1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1(15). С. 11 — 26.
10. *Лобин А. Н.* Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. // SSBP. 2012. № 1. С. 141 — 152.
11. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии (1516—1520 гг.).* СПб., 1887.
12. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1879. Кн. первая. Т. 5.

13. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая древней летописи русской. URL: <http://tvereparhia.ru/biblioteka-2/t/1281-tatishchev-v-n/15954-tatishchev-v-n-istoriya> (дата обращения: 30.11.2016).

14. *Филошкин А. И.* Василий III. М., 2010.

15. *Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht üstine Bestände. Göttingen, 1955.

16. *Forstreuter K.* Preußen und Rußland im Mittelalter / Die Entwicklung ihrer Beziehungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Königsberg ; Berlin, 1938.

17. *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil I—III. Leipzig, 1892—1895.

18. *Sach M.* Hochmeister und Großfürst: Beziehungenzwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Steiner, 2002.

19. *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. (Verffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs). Wien ; Leipzig, 1906. Bd 1.

20. *Voigt J.* Geschichte Preussens, von den ältesten Zeiten bis zum Untergangen der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1827. Bd. 1.

Gennady Kretinin, Artyom Kryukov

N. M. KARAMZIN: ON THE HISTORY OF USING THE KOENIGSBERG ARCHIVES IN HIS WORK ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE

Writing his History of the Russian State N. M. Karamzin used the Russian chronicles, embassy documents, and diplomatic correspondence. He was among the first historians to turn to foreign sources, and to that end had to obtain copies of the documents shedding light on the relations between the Moscow State and the Teutonic Order in the first quarter of the 16th century. In the following years and up to the present time, however, both Russian and German researchers have been paying little attention to the analytical aspect of the Russian historiographer's work. The article deals with the the attitude to Karamzin's research activity, accentuating the significance of his work for assessing the events of 500 years ago and of today.

Key words: *N. M. Karamzin, Königsberg, Königsberg archives, relations between Moscow and the Teutonic Order, historiography, sources, history of Russia.*